

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ**

© Кузнецова Альфия Рашитовна

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,

г. Уфа, Российская Федерация

© Дегтярев Александр Николаевич

Академия наук Республики Башкортостан,

г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций семейно-демографического развития в России с акцентом на институциональные, социально-экономические и поведенческие факторы, определяющие динамику брачности, разводимости и репродуктивных установок населения. Особое внимание уделено региональным особенностям, включая специфику Северо-Кавказского федерального округа, где традиционно низкий уровень разводимости в последние годы демонстрирует устойчивый рост. На основе обобщения результатов исследований российских авторов выявлено, что значительная часть зарегистрированных разводов может носить формальный характер и быть обусловлена стремлением семей соответствовать критериям нуждаемости для получения социальных пособий. Показано, что институциональные механизмы государственной семейной политики оказывают существенное влияние на модели семейного поведения, формируя адаптационные стратегии населения, связанные с юридическим оформлением брака и разводов. Анализ также выявил влияние социально-экономической нестабильности, роста индивидуалистических установок, изменения роли женщин и трансформации ценностных ориентаций на снижение брачности и смещение сроков рождения детей. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к оценке семейно-демографических процессов, учитывающего взаимосвязь нормативно-правовых условий, экономических стимулов и культурных факторов, а также совершенствования механизмов социальной поддержки, минимизирующих непреднамеренные последствия государственной политики. Выявленные тенденции отражают не столько изменение семейных ценностей, сколько адаптационные стратегии населения, возникающие в ответ на существующие правила предоставления социальной помощи. Это позволяет рассматривать рост разводимости в регионе как институционально обусловленный процесс, связанный с особенностями нормативно-правового регулирования и экономическими стимулами, а не как прямой индикатор кризиса семейных отношений. Полученные выводы подчеркивают необходимость дальнейшего анализа влияния социальных мер поддержки на поведение семей и разработки механизмов, минимизирующих непреднамеренные последствия государственной политики.

Ключевые слова: семья, брачность, разводимость, демографическая политика, социальные пособия, адаптационные стратегии населения.

Для цитирования: Кузнецова А.Р., Дегтярев А.Н. Демографическая динамика брачности и разводимости в контексте трансформации института семьи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2026. №1. С. 236-249. DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-236-249

DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF MARRIAGE AND DIVORCE IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF FAMILY

© Kuznetsova Alfiya Rashitovna

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation

© Degtyarev Aleksandr Nikolaevich

Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russian Federation

Abstract. This article analyzes current trends in family and demographic development in Russia, focusing on the institutional, socioeconomic, and behavioral factors that determine the dynamics of marriage, divorce, and reproductive attitudes. Particular attention is paid to regional characteristics, including the specifics of the North Caucasus Federal District, where the traditionally low divorce rate has demonstrated a steady increase in recent years. A summary of the results of studies by Russian authors revealed that a significant portion of registered divorces may be formal in nature and are due to families' desire to meet the eligibility criteria for social benefits. It is shown that institutional mechanisms of state family policy have a significant impact on family behavior patterns, shaping the population's adaptation strategies related to the legal registration of marriage and divorce. The analysis also revealed the influence of socioeconomic instability, the growth of individualistic attitudes, the changing role of women, and the transformation of value orientations on the decline in marriage and the shift in the timing of childbearing. A conclusion is reached regarding the need for a comprehensive approach to assessing family and demographic processes, taking into account the interrelationship between regulatory and legal conditions, economic incentives, and cultural factors, as well as for improving social support mechanisms that minimize the unintended consequences of public policy. The identified trends reflect not so much changes in family values as the population's adaptation strategies arising in response to existing rules for the provision of social assistance. This allows us to consider the rise in divorce in the region as an institutionally determined process associated with the specifics of legal and regulatory frameworks and economic incentives, rather than as a direct indicator of a crisis in family relations. These findings highlight the need for further analysis of the impact of social support measures on family behavior and the development of mechanisms that minimize the unintended consequences of public policy.

Keywords: family, marriage, divorce, demographic policy, social benefits, population adaptation strategies.

Введение. Демографические изменения напрямую зависят от уровня социально-экономического развития общества, качества жизни населения и эффективности реализуемой государственной политики. В этой связи особую значимость приобретает положение о том, что именно благополучие семьи должно рассматриваться в качестве приоритетного критерия оценки общественного развития и результативности социальных преобразований. Данный подход, как справедливо отмечают Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Иванова А.Н., Кучмаева О.В. и Семенова В.Г., позволяет переосмыслить роль семьи, как ключевого института, определяющего устойчивость социально-демографических процессов[1].

Брак, являясь одним из наиболее древних и устойчивых социальных институтов, выполняет функцию нормативного упорядочивания

межличностных гендерных отношений. В научной литературе он определяется как признаваемый обществом союз между супругами, направленный на создание семьи и порождающий взаимные права и обязанности. В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации, брак представляет собой свободный и равноправный союз мужчины и женщины, заключенный в установленном законом порядке и ориентированный на формирование семьи, что подчеркивает его правовую и социальную значимость [2].

Современные исследования подтверждают, что динамика брачности и разводимости чувствительна к воздействию внешних социально-экономических факторов. Так, Сивоплясова С.Ю. указывает, что «неблагоприятные внешние факторы способны оказать сильное влияние на брачность и разводимость, создав, тем самым, риски демографического развития страны» [3]. Такие условия способны существенно трансформировать брачное поведение населения, усиливая риски демографической нестабильности. Эту позицию дополняют Екимова Н.А. и Гаганов А.Е., отмечающие, что коэффициент соотношения браков и разводов является одним из значимых факторов, влияющих на уровень рождаемости; его снижение почти в 1,5 раза за последнее десятилетие свидетельствует о нарастающих институциональных дисбалансах [4].

Важным аспектом является и психологическое состояние населения. А.А. Дементьева и А.А. Подъякова подчеркивают, что сокращение числа семей во многом обусловлено высокой тревожностью и снижением уверенности в будущем, вызванными экономическими и политическими рисками [5]. Эти выводы согласуются с результатами исследования Черничкина Д.А. и Рогова А.В., выявивших рост индивидуалистических и эгалитарных установок, рационализацию брачного поведения и тенденцию к переносу семейных планов на более поздние этапы жизненного цикла [6]. Вместе с тем корреляционный анализ, проведенный авторами, показывает, что рождение детей в первые три года после заключения брака наиболее характерно для возрастной группы 25–34 лет, что подтверждает сохранение традиционных репродуктивных стратегий в определенных когортных группах [7].

Существенное влияние на репродуктивные установки оказывает изменение социальной роли женщин. Рост их занятости и повышение уровня образования, как отмечается в ряде исследований, трансформируют экономическую модель семьи, делая традиционный патриархальный уклад менее устойчивым и менее привлекательным для молодых поколений. Это приводит к пересмотру стратегий семейного поведения и повышению требований к качеству партнерских отношений. В репродуктивных установках и социальной ориентации на семью «немаловажную роль играет рост занятости женщин и повышение уровня их образования, что сделало традиционную модель семьи экономически невыгодной» [8].

Одним из ключевых факторов, препятствующих укреплению института брака, выступает низкий уровень межличностного доверия. А.В. Короленко,

анализируя данные социологического опроса жителей Вологодской области, показывает, что население в целом придерживается традиционных представлений о браке как обязательном условии для воспитания детей, однако одновременно фиксируется высокая чувствительность к рискам разрыва отношений [9]. В качестве одного из инструментов профилактики разводов автор предлагает рассматривать брачный контракт, способный повысить предсказуемость и устойчивость семейных отношений [10].

Проблематика сохранения института семьи тесно связана с вопросами социальной защиты детства. Леликов В.А. и Бородин А.Д. подчеркивают, что недостаточная развитость государственной семейной политики приводит к тому, что дети из неполных семей оказываются в группе социального риска. Авторы, подчеркивая значимость сохранения института семьи, пишут, что «в связи с отсутствием должной социальной защиты детства, государственной семейной политики в стране, дети, родители которых разведены, и не проживают вместе, в большинстве случаев попадают в группу «риска»» [11]. Ежегодный рост числа социальных сирот при живых родителях свидетельствует о системных дефицитах в сфере поддержки семьи и детства, что требует комплексного пересмотра механизмов государственного регулирования.

Обобщение теоретических и эмпирических данных позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к изучению семейно-демографических процессов, учитывающего взаимосвязь социально-экономических условий, институциональной поддержки и ценностных ориентаций населения. Это создает основу для дальнейшего анализа факторов, определяющих современное состояние семьи и перспективы демографического развития.

Результаты исследования. Согласно данным официальной российской статистики, в 1950 г. в России насчитывалось 1223 тыс. браков и лишь 49,4 тыс. разводов (рисунок 1).

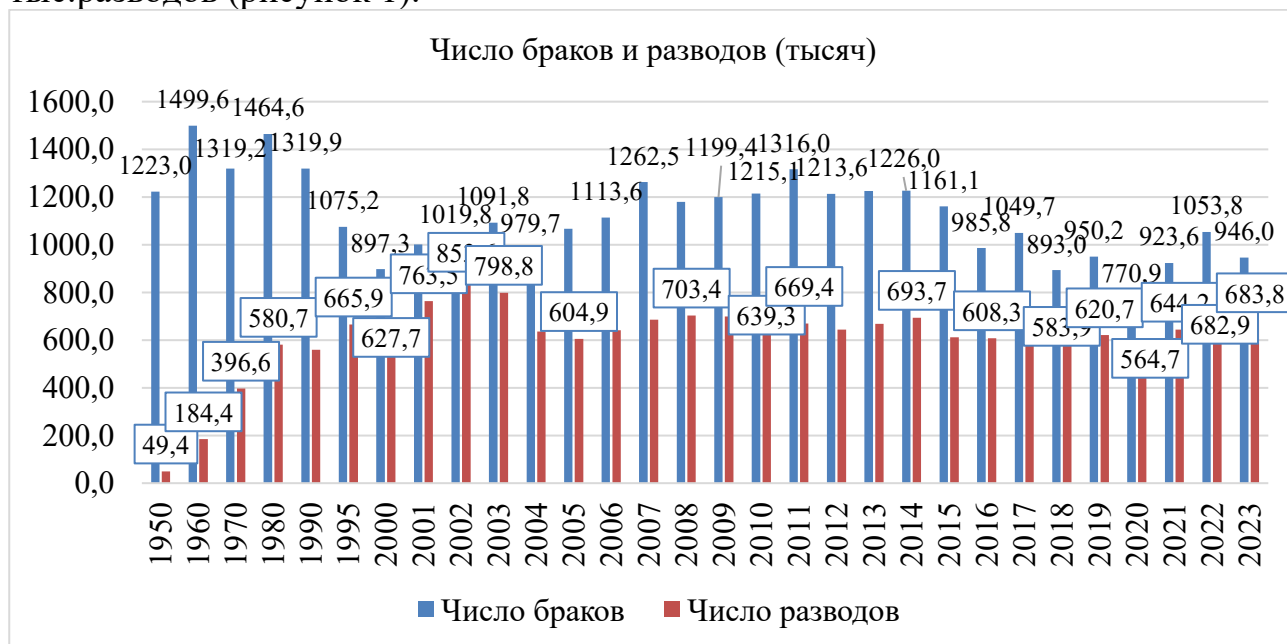

Рисунок 1 – Число браков и разводов в Российской Федерации (тысяч)[12]

Если в 1950 г. число браков превышало число разводов в 25 раз, в 1980 г. – в 2,5 раза, в 1990 г. – на 22,8%, в 2000 г. – на 43%, в 2010 г. – на 90%, в 2020 г. – на 36,5%, в 2021 г. – на 43,3%, в 2022 г. – на 54,3%, в 2023 г. – на 38,3%. Согласно наблюдаемым трендам, максимальное приближение числа заключенных браков к числу разводов стало наблюдаться в 2001-2003 гг., затем в 2018 и в 2020 гг.

Уровень брачности в Российской Федерации не является стабильным. В исследуемой динамике с 2000 по 2023 гг. наблюдаются существенные колебания по количеству заключенных браков в расчете на 1000 чел. населения (рисунок 1).

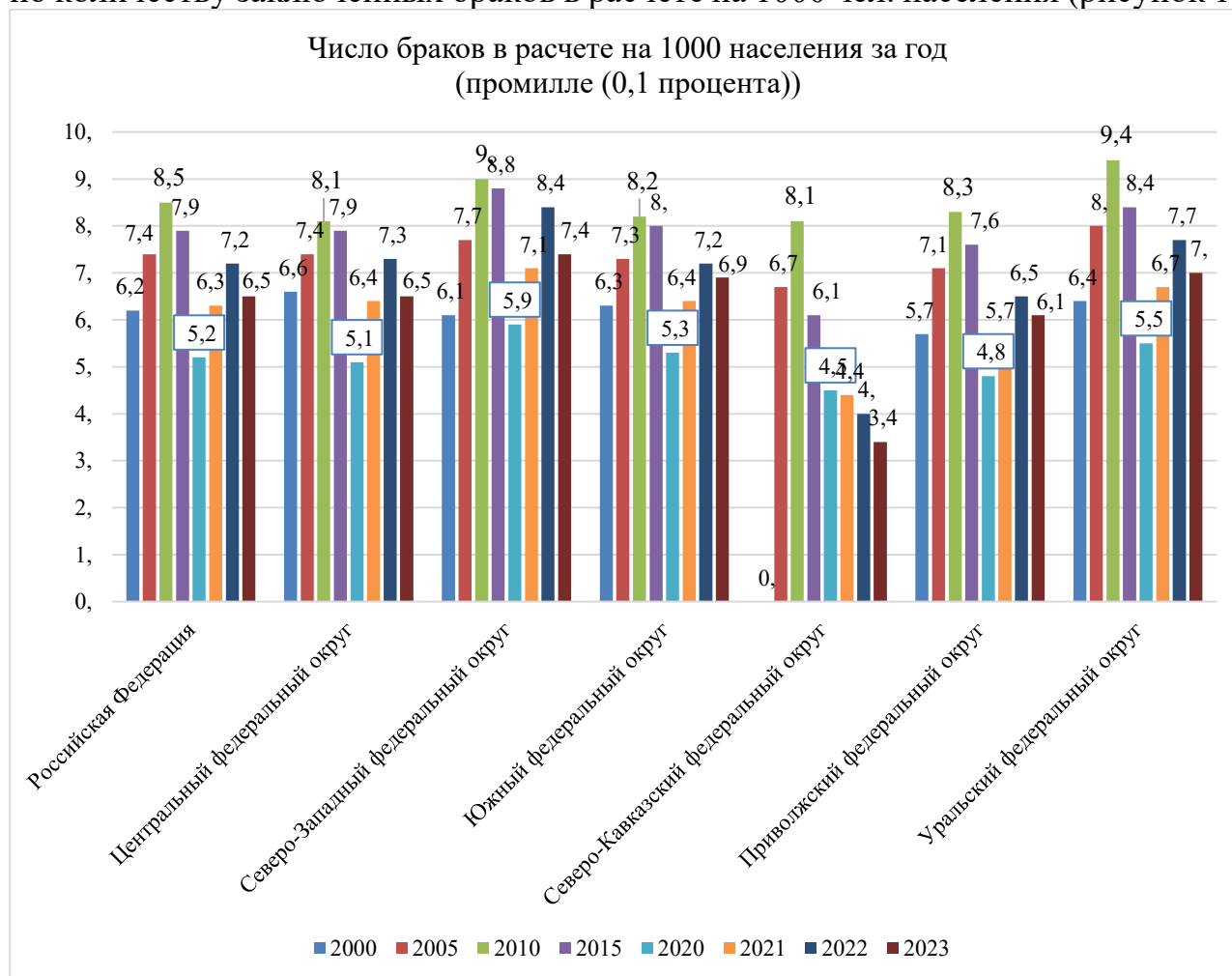

Рисунок 1 – Число браков в федеральных округах Российской Федерации в расчете на 1000 населения в год (промилле (0,1 процента)) [12]

Наибольшее число заключенных браков в России отмечалось в 2010 году, составив 8,5 браков в расчете на 1000 чел. населения, в том числе: в Уральском федеральном округе – 9,4, в Северо-Западном – 9, в Приволжском – 8,3, в Южном – 8,2, в Центральном и Северо-Кавказском – по 8,1. Мы разделяем мнение Сивоплясовой С.Ю. в том, что «динамика брачности сильно зависит от

численности населения в активных брачных возрастах, а она имеет тенденцию к сокращению с начала 2010-х годов» [3, С.19]. Об этом красноречиво свидетельствуют данные официальной статистики.

В пандемийном 2020 году число заключенных браков было самым минимальным: по России в целом – 5,2, в том числе: в Северо-Западном федеральном округе – 5,9, в Уральском – 5,5, в Южном – 5,3, в Центральном – 5,1, в Приволжском – 4,8, Северо-Кавказском – 4,5 браков на 1000 чел. населения.

К 2023 году ситуация по уровню брачности сложилась следующим образом: по России в целом – 6,5, в Северо-Западном федеральном округе – 7,4, Уральском – 7,0, Южном – 6,9, Центральном – 6,9, Приволжском – 6,1, Северо-Кавказском – 3,1 браков на 1000 чел. населения.

Ситуация по числу разводов в динамике с 2000 по 2023 гг. выглядит не радужным образом. Рост числа разводов отмечался в целом по Российской Федерации с 4,4 до 4,7 на 1000 населения (рисунок 2).

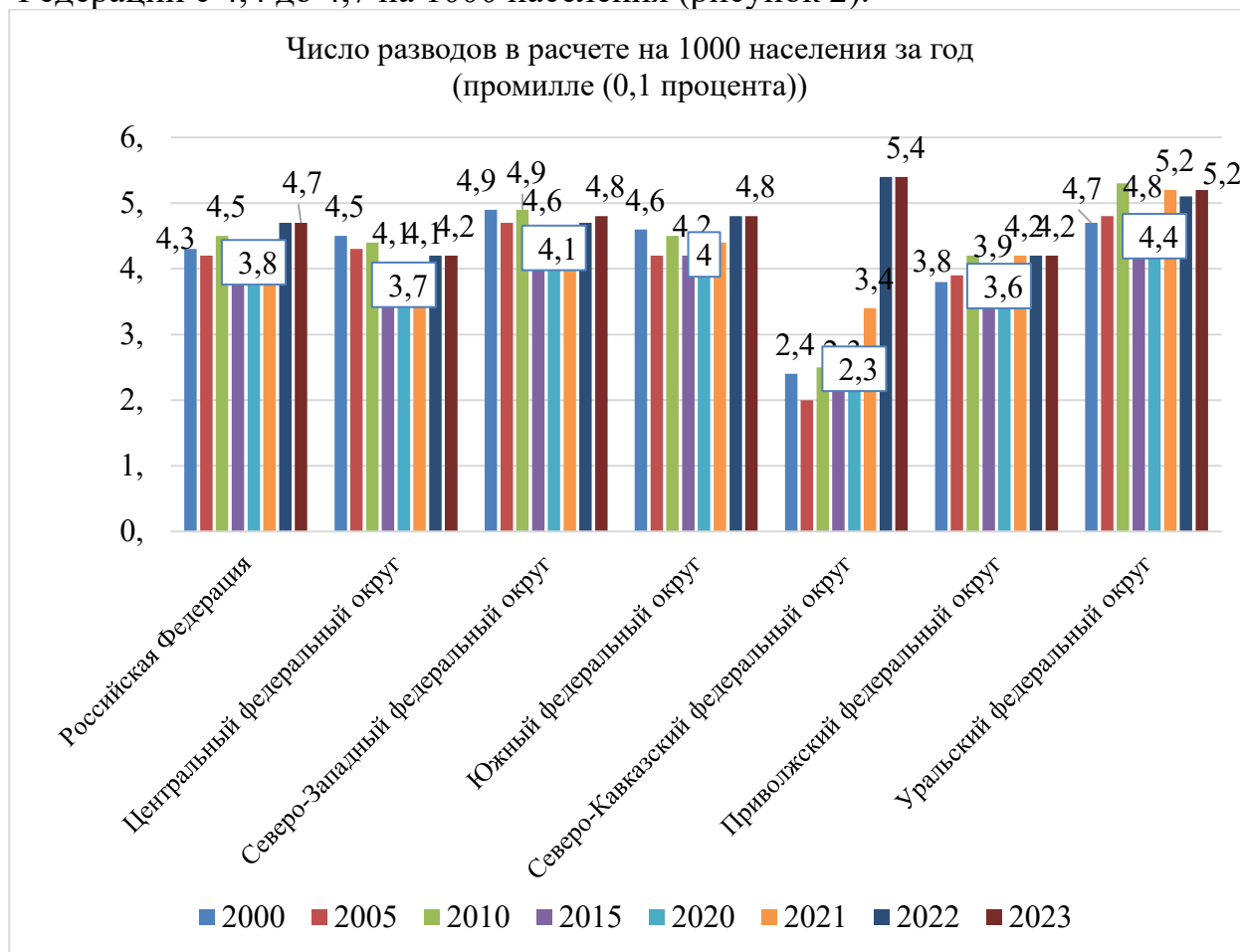

Рисунок 2 – Число разводов в федеральных округах Российской Федерации в расчете на 1000 населения за год (промилле (0,1 процента)) [12]

Рост числа разводов в расчете на 1000 населения наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе – с 2,4 до 5,4 (более, чем в два раза), в Южном

федеральном округе – с 4,6 до 4,8, Приволжском – с 3,8 до 4,2, Уральском – с 4,7 до 5,2.

Для республик Кавказского региона традиционно был характерен крайне низкий уровень разводимости, что на протяжении длительного исторического и культурно-национального развития рассматривалось как устойчивое социальное явление. Однако современные статистические данные свидетельствуют о существенных трансформациях института семьи в данном макрорегионе, отражающих изменение как поведенческих моделей, так и институциональных условий семейной жизни. Данный факт также был обнаружен Мязиным Н.А., Сафроновой Е.А., Степеновой Л.А., которые отмечают, что «основной причиной роста числа разводов является стремление семей с детьми попасть под критерии нуждаемости, чтобы получить право на пособие, что невыполнимо, если хотя бы один из супругов официально трудоустроен» [13]. Эту тему развил в своем исследовании П.Г. Абдулманапов, почеркнув, что «стремление граждан скрыть от государственных органов свои фактические семейные отношения в Республике Дагестан за последнее время, который проявляется в виде роста разводимости при одновременном снижении брачности и росте числа рождений у женщин, не состоящих в официальном браке, обусловлен реализуемой в стране семейной политикой и мотивом получения социальной помощи из бюджета в виде пособий на детей» [14]. Данный факт обосновывает в своей работе Н. Р. Габараева, которая также обосновывает рост числа разводов в Северной Осетии с возможностями получения социальных пособий для семей, имеющих нулевой доход при этом «для обхода этого правила многими используется фиктивный развод, позволяющий претендовать на финансовую помощь государства» [15].

Таким образом рост числа разводов в республиках Северо-Кавказского федерального округа имеет комплексную природу и не может быть объяснен исключительно изменением ценностных ориентаций или трансформацией семейных установок. В отличие от традиционно низкого уровня разводимости, характерного для региона, современные тенденции свидетельствуют о существенных институциональных сдвигах, связанных прежде всего с особенностями реализации государственной семейной политики и механизмов предоставления социальной поддержки.

Важно и то, что наблюдается незначительное уменьшение числа разводов в расчете на 1000 населения: в Центральном федеральном округе – с 4,5 до 4,2, в Северо-Западном – с 4,9 до 4,8.

Сопоставление общего среднего числа браков и разводов в Российской Федерации показывает, что в 1990 г. в стране превышение числа браков над числом разводов составляло четыре раза (рисунок 3).

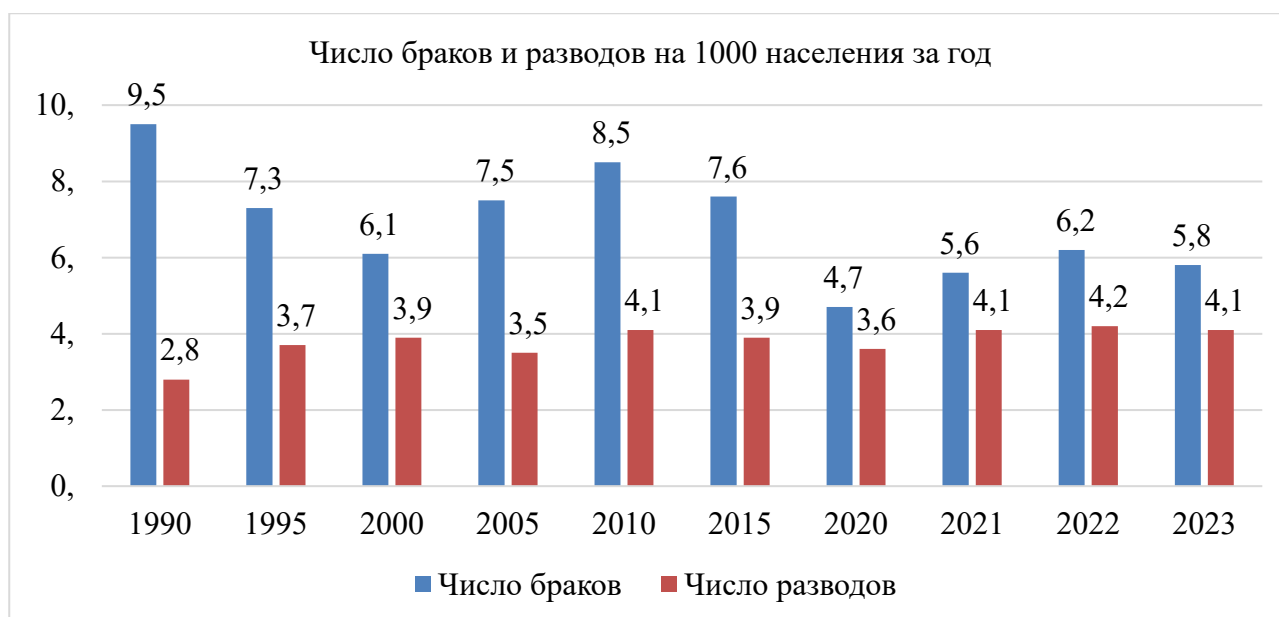

Рисунок 3 – Число браков и разводов в Российской Федерации на 1000 населения за год (промилле (0,1 процента)) [12]

В 1990 г. только каждый четвертый брак мог закончиться потенциальным разводом. Из данных рисунка 3 наглядно видно, что количество заключенных браков стало превышать число оформленных разводов в 1995 г. – почти в два раза, в 2000 г. – лишь на 56%, в 2005-2010 гг. – в два раза, в 2015 г. – на 95%, в 2020 г. – на 30,6%, в 2021 г. – на 36,6%, в 2022 г. – на 48%, в 2023 г. – на 41,5%. Таким образом институт семьи стал нестабильным социальным явлением, демонстрируя повышенную чувствительность к изменениям социально-экономической среды, нормативно-правовых условий и ценностных ориентаций населения. Его устойчивость больше не определяется исключительно культурно-традиционными факторами, а формируется под воздействием комплекса внешних стимулов, включая государственные меры поддержки, экономические риски, трансформацию гендерных ролей и изменение моделей жизненного поведения.

Официальная статистика демонстрирует повышательные тренды возраста брачующихся женихов и невест (рисунок 4).

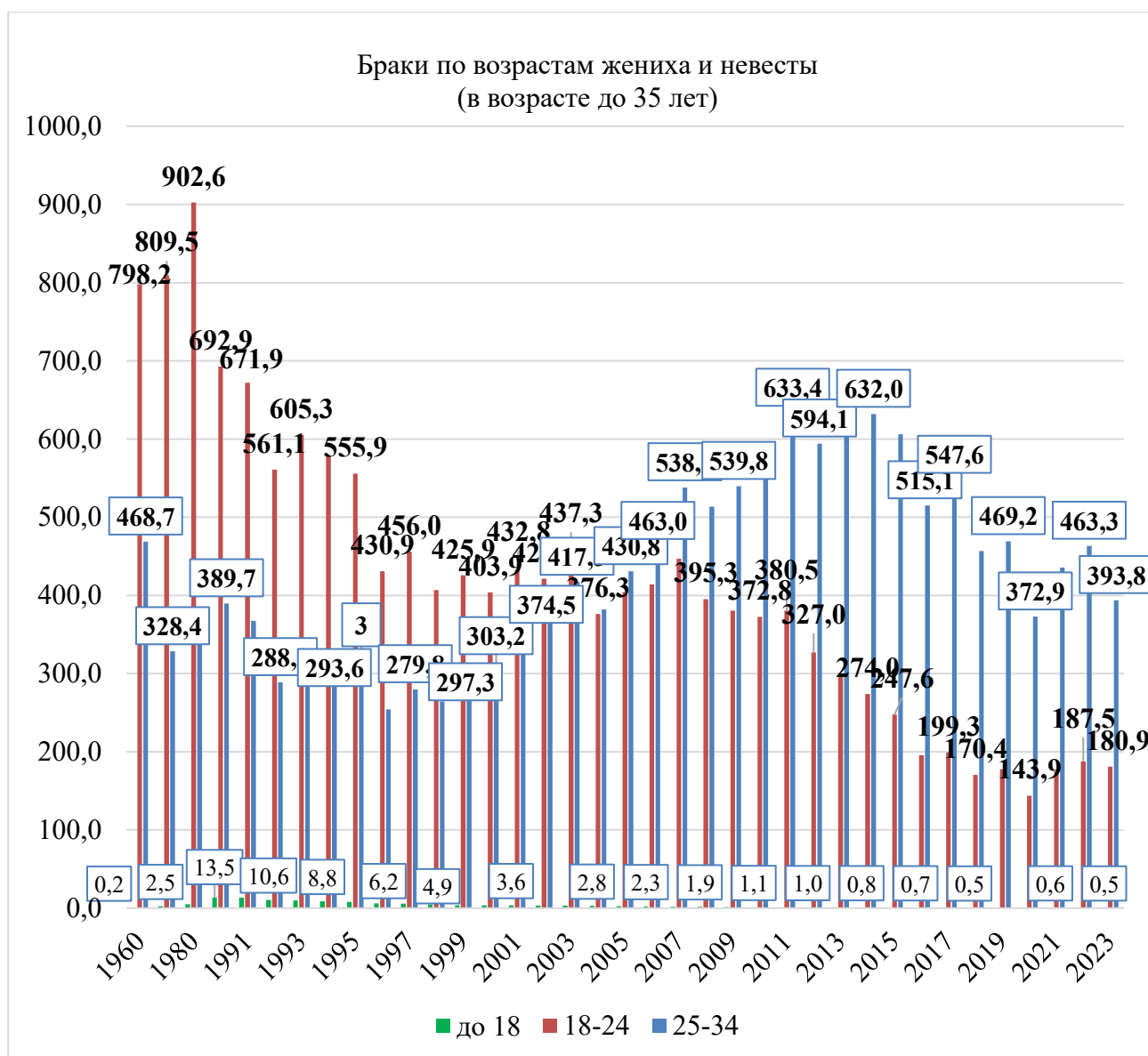

Рисунок 4 – Число браков по возрастам жениха и невесты в возрасте до 35 лет [12]

Согласно данным официальной статистики, в период с 1960 по 2000 гг. наибольшее число заключенных браков отмечалось среди брачующихся в возрастной категории 18-24 года, а начиная с 2004-2005 гг. возрастной диапазон людей, вступающих в законный брак, повысился и укрепился в диапазоне 25-34. При этом такой тренд сохраняется по настоящее время. Если в 1960-2000 гг. число бракосочетаний молодежи в возрасте 18-24 года превышало число браков среди молодоженов в возрасте 25-34 года, то с 2014 г. по настоящее время тренд сменился на ровно противоположный: число заключенных браков в возрасте 25-34 года превышает число браков, заключенных в возрасте 18-24 года более, чем в два раза. Молодежь стала более вдумчиво подходить к созданию семьи. При этом в большинстве регионов аналогично синхронные тренды наблюдаются не только среди городских (рисунок 5), но и среди сельских жителей (рисунок 6).

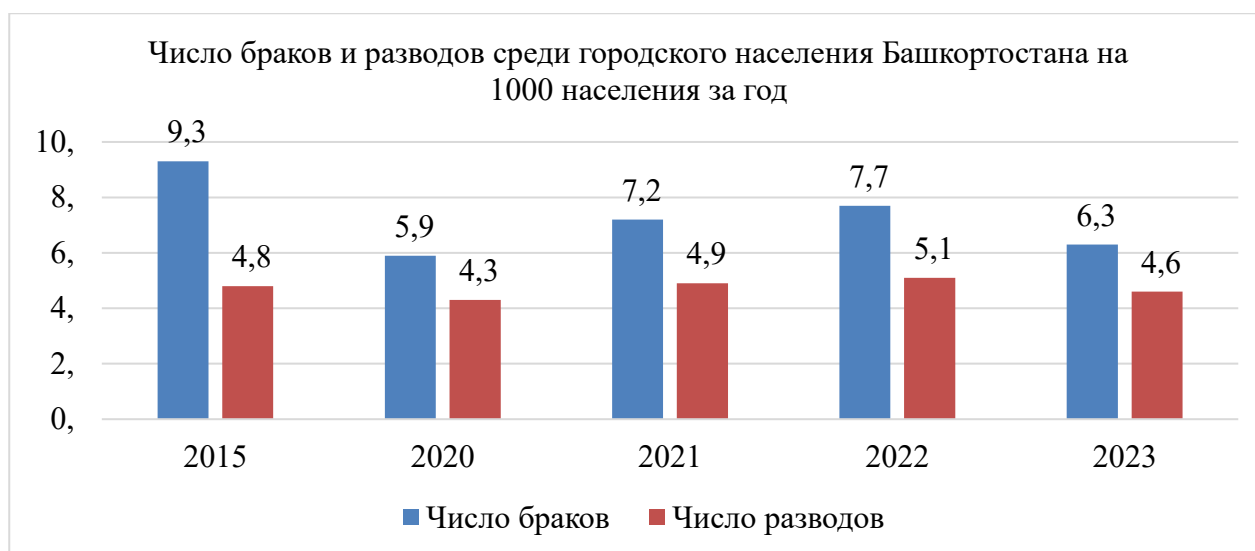

Рисунок 5 – Число браков и разводов среди городского населения Башкортостана на 1000 населения за год[12]

Превышение числа заключенных браков в городской местности Республики Башкортостан в 2015 г. над числом разводов составляло 94%, в 2020 г. – 37,2%, в 2021 г. – 47%, в 2022 г. – 50,9%, в 2023 г. – 37%.

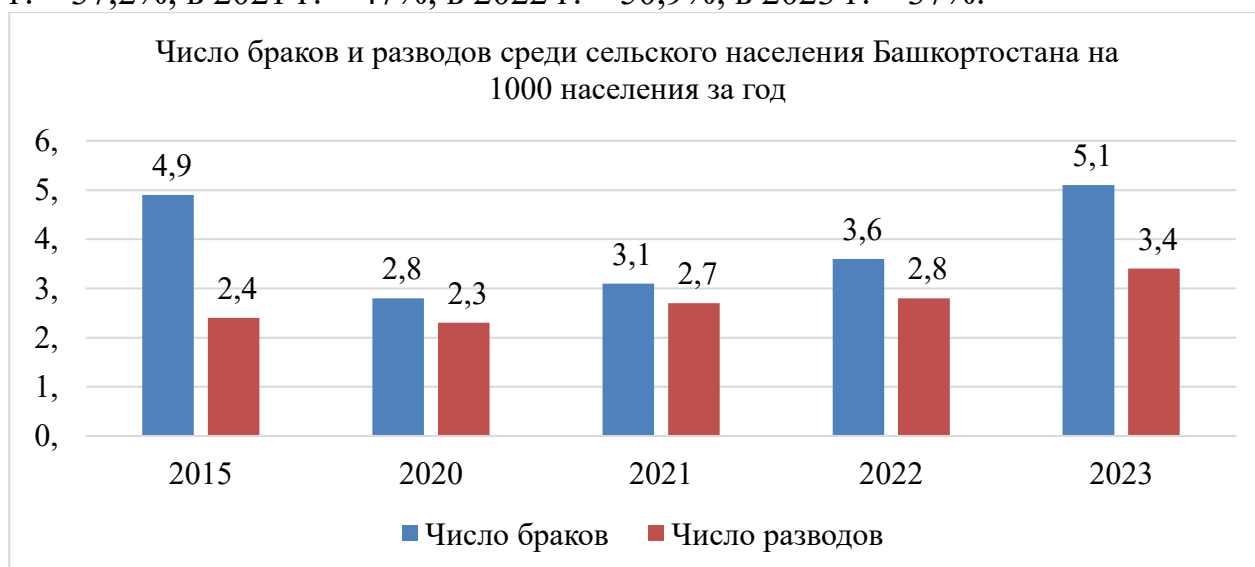

Рисунок 6 – Число браков и разводов среди сельского населения Башкортостана на 1000 населения за год[12]

Превышение числа заключенных браков в сельской местности Республики Башкортостан в 2015 г. над числом разводов составляло более, чем в два раза, в 2020 г. – 22%, в 2021 г. – 14,8%, в 2022 г. – 28,6%, в 2023 г. – на 50%.

В последние годы семейные отношения все чаще приобретают адаптационный характер, отражая стремление населения приспосабливаться к текущим институциональным условиям, что приводит к расхождению между фактическими и юридически оформленными формами семейной жизни.

Выводы. Благополучие семьи следует рассматривать в качестве ключевого индикатора общественного развития и эффективности проводимых социальных преобразований. В стране сохраняется значимость брака как социального института, обеспечивающего нормативную основу для воспитания детей и поддержания межличностных отношений. Однако его устойчивость во многом зависит от качества государственной семейной политики, направленной на укрепление институциональных прав семьи, повышение ее социального статуса и создание условий для реализации репродуктивных планов.

Государственная семейная политика должна иметь приоритетное направление социальной политики, в виде целостной системы мер, ориентированных на поддержку и укрепление социального института семьи, защиту его институциональных прав и интересов, расширение субъективной активности семей, а также обеспечение их устойчивости и благополучия. Стратегической целью семейной политики в современной России становится формирование условий и механизмов, способствующих раскрытию и развитию семейного потенциала посредством совершенствования взаимодействия семьи с государством и другими общественными институтами, а также более полной реализации ее институциональных прав, потребностей и функций.

Проведенный анализ научных подходов и эмпирических исследований позволяет утверждать, что современная демографическая динамика формируется под воздействием комплекса социально-экономических, институциональных и культурных факторов. Центральное место среди них занимает состояние и устойчивость института семьи, который выступает ключевым механизмом воспроизводства населения и социальной стабильности. В научной литературе подчеркивается, что благополучие семьи должно рассматриваться не только как частная сфера, но и как стратегический индикатор общественного развития, определяющий эффективность государственной социальной политики.

Исследования брачности, разводимости и репродуктивных установок [16] демонстрируют, что трансформация семейных отношений обусловлена как объективными внешними условиями – экономической нестабильностью, изменением рынка труда, ростом образовательного уровня населения, так и субъективными факторами, включая индивидуалистические ценности, снижение доверия и изменение жизненных стратегий молодежи. Эти процессы приводят к изменению традиционных моделей семейного поведения, смещению сроков вступления в брак и рождения детей, а также к росту числа неполных семей и социальных сирот.

Список литературы:

1. Семья и демографические процессы в современной России / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Экон-Информ", 2021. – 260

- с. – ISBN 978-5-907427-21-1. – DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021. – EDN IWUIJX.
2. Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026). Источник: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=moo25stcvl611494609 (Дата обращения: 24.03.2026).
  3. Сивоплясова, С. Ю. Влияние пандемии COVID-19 на брачность и разводимость в России / С. Ю. Сивоплясова // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 2. – С. 18-29. – DOI 10.19181/population.2023.26.2.2. – EDN ZRIZXK.
  4. Екимова, Н. А. Семейные ценности как фактор демографической экспансии России / Н. А. Екимова, А. Е. Гаганов // Journal of Economic Regulation. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 6-17. – DOI 10.17835/2078-5429.2025.16.2.006-017. – EDN RIYRXC.
  5. Дементьева, А. А. Тенденции заключения и расторжения браков в Самарской области / А. А. Дементьева, А. А. Подъякова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2025. – № 2-1. – С. 130-133. – EDN PCSRWW.
  6. Черничкин, Д. А. Факторы трансформации семейных ценностей и родительских установок студенческой молодежи (на примере Астраханской области) / Д. А. Черничкин, А. В. Рогов // Южно-российский журнал социальных наук. – 2025. – Т. 26, № 4. – С. 77-93. – DOI 10.31429/26190567-26-4-77-93. – EDN UOPHGK.
  7. Причинно-следственные связи динамики брачного возраста и демографических показателей в свете корреляционного анализа / Н. М. Сурай, И. М. Таточенко, А. Л. Таточенко [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 3, № 10(139). – С. 50-62. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.10.03.008. – EDN KRCWDY.
  8. Сформированность мнения о репродуктивном здоровье среди молодежи / М. О. Чернова, И. В. Беляев, Т. Н. Даль [и др.] // Оренбургский медицинский вестник. – 2023. – Т. 11, № 4(44). – С. 70-74. – EDN OMYSYB.
  9. Короленко, А. В. Браки, разводы и брачный контракт в оценках населения: опыт регионального исследования / А. В. Короленко // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 1(17). – С. 72-87. – EDN PIRBRE.
  10. Короленко, А. В. Браки, разводы и брачный контракт в оценках населения: опыт регионального исследования / А. В. Короленко // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 1(17). – С. 72-87. – EDN PIRBRE.
  11. Лелеков, В. А. Демографические процессы и преступность / В. А. Лелеков, А. Д. Бородин // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2019. – № 4. – С. 214-218. – EDN TCATJX.
  12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (Дата обращения: 01.03.2026).
  13. Мязин, Н. А. Кризис традиционной семьи как следствие введения единого пособия для малообеспеченных семей / Н. А. Мязин, Е. А. Сафронова, Д. А.

- Степанова // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2025. – № 1(21). – С. 136-143. – DOI 10.24923/2305-8757.2025-21.19. – EDN ASDYRM.
14. Абдулманапов, П. Г. Особенности брачно-семейного поведения в Республике Дагестан в современных условиях / П. Г. Абдулманапов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 4(162). – С. 281-288. – DOI 10.26726/1812-7096-2024-4-281-288. – EDN FLXYBU.
15. Габараева, М. Р. Влияние социальных пособий на семейно-брачное поведение в республике Северная-Осетия Алания / М. Р. Габараева // Социодинамика. – 2022. – № 8. – С. 14-25. – DOI 10.25136/2409-7144.2022.8.38541. – EDN KIUSMP.
16. Беспаяев, М. Е. Демографические процессы в Казахстане / М. Е. Беспаяев // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 1(21). – С. 66-76. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-66-76. – EDN BPXVWF.

References:

1. Family and demographic processes in modern Russia / T. K. Rostovskaya, V. N. Arkhangelsky, A. E. Ivanova [et al.]. – Moscow: Limited Liability Company "Econ-Inform Publishing House", 2021. – 260 p. – ISBN 978-5-907427-21-1. – DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021. – EDN IWUIJX.
2. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on March 23, 2026). Source: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=moo25stcvl611494609 (Accessed: March 24, 2026).
3. Sivoplyasova, S. Yu. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Marriage and Divorce in Russia / S. Yu. Sivoplyasova // Population. - 2023. - Vol. 26, No. 2. - Pp. 18-29. - DOI 10.19181/population.2023.26.2.2. - EDN ZRIZXK.
4. Ekimova, N. A. Family Values as a Factor in Russia's Demographic Expansion / N. A. Ekimova, A. E. Gaganov // Journal of Economic Regulation. – 2025. – Vol. 16, No. 2. – Pp. 6-17. – DOI 10.17835/2078-5429.2025.16.2.006-017. – EDN RIYRXC.
5. Dementyeva, A. A. Trends in Marriage and Divorce in the Samara Region / A. A. Dementyeva, A. A. Podyakova // Science of the 21st Century: Current Development Directions. – 2025. – No. 2-1. – Pp. 130-133. – EDN PCSRWW.
6. Chernichkin, D. A. Factors in the Transformation of Family Values and Parental Attitudes of Student Youth (using the Astrakhan Region as an Example) / D. A. Chernichkin, A. V. Rogov // South-Russian Journal of Social Sciences. – 2025. – Vol. 26, No. 4. – P. 77-93. – DOI 10.31429/26190567-26-4-77-93. – EDN UOPHGK.
7. Causal relationships between the dynamics of marriage age and demographic indicators in light of correlation analysis / N. M. Surai, I. M. Tatochenko, A. L. Tatochenko [et al.] // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2023. – Vol. 3, No. 10(139). – P. 50-62. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.10.03.008. – EDN KRCWDY.
8. Formation of opinions on reproductive health among young people / M. O. Chernova, I. V. Belyaev, T. N. Dahl [et al.] // Orenburg Medical Bulletin. - 2023. - Vol. 11, No. 4 (44). - P. 70-74. - EDN OMYSYB.

9. Korolenko, A. V. Marriages, divorces and marriage contract in population estimates: experience of a regional study / A. V. Korolenko // Economics. Sociology. Law. - 2020. - No. 1 (17). - P. 72-87. - EDN PIRBRE.
10. Korolenko, A. V. Marriages, divorces and marriage contract in population estimates: experience of a regional study / A. V. Korolenko // Economics. Sociology. Law. - 2020. - No. 1 (17). - P. 72-87. - EDN PIRBRE.
11. Lelekov, V. A. Demographic processes and crime / V. A. Lelekov, A. D. Borodin // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. - 2019. - No. 4. - P. 214-218. - EDN TCATJX.
12. Official website of the Federal State Statistics Service. Source: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (Accessed: 01.03.2026).
13. Myazin, N. A. Crisis of the Traditional Family as a Consequence of the Introduction of a Single Benefit for Low-Income Families / N. A. Myazin, E. A. Safronova, D. A. Stepanova // KANT: Social Sciences & Humanities. - 2025. - No. 1(21). - P. 136-143. - DOI 10.24923/2305-8757.2025-21.19. - EDN ASDYRM.
14. Abdulmanapov, P. G. Features of Marital and Family Behavior in the Republic of Dagestan in Modern Conditions / P. G. Abdulmanapov // Regional Problems of Economic Transformation. - 2024. - No. 4(162). - P. 281-288. - DOI 10.26726/1812-7096-2024-4-281-288. - EDN FLXYBU.
15. Gabaraeva, M. R. The Impact of Social Benefits on Family and Marital Behavior in the Republic of North Ossetia-Alania / M. R. Gabaraeva // Sociodynamics. - 2022. - No. 8. - P. 14-25. - DOI 10.25136/2409-7144.2022.8.38541. - EDN KIUSMP.
16. Bespayev, M. E. Demographic processes in Kazakhstan / M. E. Bespayev // Ufa Humanitarian Scientific Forum. - 2025. - No. 1 (21). - P. 66-76. - DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-66-76. - EDN BPXVWF.

Сведения об авторах:

Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». 450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, д.32. E-mail: alfia_2009@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0273-4801.

Дегтярев Александр Николаевич доктор экономических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан. 450008, г.Уфа, ул. Кирова, д.15. E-mail: aleks-degt@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6237-8795.

Author's personal details:

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology. 32 Zaki Validi St., Ufa, 450076. E-mail: alfia_2009@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0273-4801.

Degtyarev Alexander Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor. Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 450008, Bashkortostan, Ufa, ul. Kirova, d.15. E-mail: aleks-degt@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6237-8795.

© Кузнецова А.Р., Дегтярев А.Н.